

УДК 821.113.5

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ
СИГРИД УНСЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК
«ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУДУЩЕЕ»)**

© **Митина Евгения Александровна** (2023), SPIN-код: 4681-0600, ORCID: 0009-0005-4175-4145, кандидат филологических наук, лаборант-исследователь, МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Российская Федерация, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина 31А); старший преподаватель кафедры всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1.), 27jenni270@mail.ru

Статья посвящена изучению образа советской России в книге «Возвращение в будущее» («*Tilbake til fremtiden*») Сигрид Унсет (1882–1949), норвежской писательницы, лауреата Нобелевской премии. В этой книге отражен путь, который она проделала из оккупированной в 1940 году Норвегии в США через Швецию, Россию и Японию. Отмечается, что автор, описывая впечатления (личные и других норвежцев) о советской России, использует как основной прием сопоставление картин реальности со своими умозрительными стереотипными представлениями. Образ России предстает в тексте Унсет преимущественно негативным, ощутимо высокомерное отношение автора. Несмотря на свое искреннее любопытство, в России Сигрид Унсет готова и даже жаждет увидеть лишь *отсталость*. Можно утверждать, что русская тема в книге Унсет развивается в русле цивилизаторского дискурса. Сигрид Унсет уверена в тоталитарности СССР и отмечает отсталость советской России, проявляющуюся в низком уровне жизни обычных граждан (бедность, бытовая неустроенность и т.п.). В целом ее позицию можно назвать классовой и даже в какой-то степени расистской. В книге Сигрид Унсет описывает разные сферы жизни России, и её диагноз неутешителен: Россия характеризуется как *отсталая* во всех смыслах страна, находящаяся на самом низком уровне цивилизации. Отсталость эта якобы обусловлена самим характером русского народа. Под рядом утверждений Сигрид Унсет нет никакой фактической основы. Трудно назвать книгу Унсет

строга документальной прозой. Этот текст тяготеет к жанру мемуаров, это комментарий к биографии писательницы, ее личности и в то же время зарисовка эпохи и комментарий к умонастроениям того времени.

Ключевые слова: Сигрид Унсет, «Возвращение в будущее», образ советской России, стереотипные представления, тоталитаризм.

В России первые переводы книг норвежской писательницы Сигрид Унсет (1882–1949) появились в начале XX века. «Фру Марта Оули», «Викинги» и «Енни» были переведены почти сразу же после выхода в свет в Норвегии (в 1910, 1914 и 1917 годах соответственно). В 1932 году Марина Цветаева писала о своем восхищении художественным миром Сигрид Унсет, о его особой притягательности. Для нее этот мир был «душевной страной, такой же достоверной, как Норвегия на карте» [Красавченко 2022, 33]. Примечательно, что Сигрид Унсет получила Нобелевскую премию именно за свои исторические романы, хотя она создала цикл «Современных романов», которые, по замечанию Э.Л. Панкратовой, «нынешнему искушенному читателю вполне могут показаться сентиментальными» [Панкратова 2003, 6]. Цветаева, рассуждая о таланте норвежской писательницы, оставила проницательное замечание: «Ей <Унсет> дано только (!!!) прошлое, гений только на прошлое» [Цветаева 1995, 454].

Книга «Возвращение в будущее» («*Tilbake til fremtiden*») Сигрид Унсет имеет биографическую основу. Она посвящена событиям и впечатлениям, связанным с длинным путем, который она проделала из оккупированной в 1940 году Норвегии в США через Швецию, Россию и Японию. Путевые заметки были написаны в США в течение лета и осени 1941 года – практически сразу после путешествия Унсет – и впервые опубликованы там же в 1942 году, а в Норвегии – только в 1949 году. Судьба этой книги непростая. Ироничное, порой резко негативное отношение к советской действительности, присутствующее в книге, вызывало протест советских официальных кругов, а советское посольство в Норвегии расценило эту книгу как клевету на Россию, «недружественный шаг», потребовало, чтобы она была изъята из продажи. Кроме того, издательство «Аскехауг» предупредило, что в случае выхода этой книги в свет оно лишится возможности публиковать советских писателей. Из уважения к помощи СССР в освобождении Северной Норвегии норвежский МИД, «Аскехауг» и сама Сигрид Унсет были вынуждены

согласиться с тем, что тираж был отправлен на склад издательства на ближайшие семь лет [Панкратова 2003, 9].

О «Возвращении в будущее» С. Гедройц с иронией пишет, что Сигрид Унсет, «не зная ни слова по-русски, пользуясь только зрением и обонянием, сумела кое-что понять Тютчеву назло» [Гедройц 2004]. Конечно, книга не об СССР, и для автора он, скорее, нейтральное пространство. «Возвращение в будущее» – это для Унсет возможность осмыслить увиденное и пережитое, в том числе и в СССР, при этом «вторым сюжетом» в тексте становится рассуждение о *тоталитарных системах*, обреченных на неизбежный крах [Каратеев, Гримберг 2004]. На страницах книги Сигрид Унсет пытается понять сущность тоталитаризма в связи с оккупацией родной страны, его корни и истоки, вникнуть в происходящее на политической арене. С этой же точки зрения она подвергает критике и всю советскую систему.

Трудно назвать книгу Унсет строго документальной прозой. Этот текст тяготеет к жанру мемуаров, это во многом комментарий к биографии писательницы, ее личности и в то же время зарисовка эпохи и комментарий к умонастроениям того времени. По замечанию Э.Л. Панкратовой, Сигрид Унсет трудно быть объективной: она была потрясена нападением на свою родину, как и ее соотечественники, привыкшие к тому, что Скандинавия, и особенно Норвегия, – «идиллический островок среди бушующих на земном шаре бурь. Кроме того, у нее погиб сын...» [Панкратова 2003, 9].

Образ советской России довоенного периода, воссозданный на страницах книги, предстает преимущественно *негативным*. До своей поездки Сигрид Унсет специально Россией не интересовалась [Слапгард 2009, 15]. Эти путевые заметки родились в процессе двухнедельного пребывания в России. Об автобиографичности книги Унсет сообщает в самом предисловии: «Рассказанное мною о России связано с моими впечатлениями от путешествия через Россию летом 1940 года» [Унсет 2003, 17]. В предисловии появляются и первые штрихи к образу России, который позже разворачивается в основном повествовании: удручающая картина советской России с пустыми магазинами, нехваткой необходимых вещей и повсеместной запущенностью домов напоминает Сигрид Унсет картину жизни тех стран, где немецкая оккупация уже стала реальностью.

Глава «Четырнадцать дней в России» символично начинается словом «оказалось». Сигрид Унсет описывает как личные впечатле-

ния, так и впечатления других норвежцев, используя прием сопоставления картин реальности со своими умоглядными стереотипными представлениями. Так, приближаясь на самолете к Великим Лукам, норвежцы с нетерпением ждали, что «вот-вот из-за какого-то облачка вынырнет легендарная Страна Советов» [Унсет 2003, 64]. Россию Сигрид Унсет сперва называет величественно «царством Советов», где она с волнением надеется увидеть *новый мир*. Бескрайние болота, деревеньки, видневшиеся из окна иллюминатора, сначала казались необыкновенно красивыми, но постепенно стали *навевать грусть* своим *однообразием*.

Попад в Москву, Сигрид Унсет дает меткое описание своим впечатлениям: «Мы упали с неба совсем на другую землю» [Унсет 2003, 65]. Унсет с любопытством наблюдает и описывает всё увиденное вокруг, передает свои непосредственные впечатления и эмоции, не пытаясь их сгладить или смягчить. Так, Великие Луки показали ей «отнюдь не убогим городом». Здесь её привлек интерьер таможни с многочисленными большими цветочными кадками и «трогательный скверик». Однако, анализируя всё увиденное в этом месте, писательница приходит к неожиданному выводу, что такая степень ухоженности города объясняется частыми визитами шведов в Великие Луки.

Несмотря на свое искреннее любопытство, в России Сигрид Унсет готова и даже *жаждет увидеть отсталость*, хотя, как известно, в 30-е годы СССР совершил огромный скачок в индустриализации, а в социально-политическом устройстве Советов считались страной будущего. Можно утверждать, что русская тема в книге Унсет развивается в русле *цивилизаторского дискурса*. Сигрид Унсет не из тех, кого в свое время называли «друзьями СССР», которые писали порой восторженные воспоминания о стране Советов, как, например, Андре Жид, или Ромен Роллан, или ее соотечественник, норвежский поэт Нурдаль Григ. Перед читателем буквально предстает оруэлловский мир. Столица в восприятии автора становится средоточием огромного количества людей, скученных в тесных коммунальных квартирах, сплошь заставленных железными кроватями. Непрерывно перемещающийся по городу – и даже в ночное время – поток народа создавал у писательницы ощущение суеты и неуспокоенности. Сигрид Унсет концентрируется на описании всеобщего беспорядка, грязи и запущенности. «Чего уж я точно не ожидала и что поразило меня больше всего – так это *вонь*», – пишет

она, перечисляя различные источники этого невыносимого запаха [Унсет 2003, 70]. Одним из составляющих московского запаха писательница считает резкий и неприятный запах жира, которым русские смазывают сапоги. Тяжелый след в душе Унсет оставляет ощущение контраста общественных великолепных зданий по сравнению с убогими жилыми кварталами, которые характеризуются автором как сплошные *трусобы*. Улицы в Москве полны рытвин и колдобин, поэтому передвигаться по городу, считает автор, возможно только с предостережением «*Mind your step*» («*ступайте осторожно*»). С особенным негодованием Сигрид Унсет описывает положение в городе с водой: сам факт, что в четырехмиллионном населенном пункте нельзя пить некипяченую воду, кажется ей немыслимым.

В книге Сигрид Унсет описывает разные сферы жизни России, в том числе ситуацию со здравоохранением и экономикой. Её диагноз неутешителен: Россия характеризуется как *отсталая* во всех смыслах страна, находящаяся на самом низком уровне цивилизации. «Есть что-то в образе жизни русских и их характере, что всегда остается *неизменным*, именно оно характеризует жизнь здесь, независимо от того, живет ли этот народ под деспотической властью царя или властью какой-то партии» [Унсет 2003, 87].

В России нет ни единого города или деревни, где можно было бы пить некипяченую воду, в стране не хватает мыла, люди живут в страшной тесноте, в городах нет санитарной службы, способной на достойном уровне поддерживать чистоту, многие здания построены на недренированной почве. Одежды в стране не хватает, зимой люди зачастую надевают на себя все, что есть, присутствует повсеместный, постоянный запах гнили и разложения. Примечательно, что Сигрид Унсет хочет быть объективной. Она говорит о «неопрятности русских», но приводит мнение очевидца времен Первой мировой войны, когда считалось, что «русские отличались чистоплотностью и что их стремление к гигиене находилось на более высоком уровне по сравнению, например, с немецкими крестьянами или представителями среднего класса». Ужасаясь жилищными условиями, она делает примечание в своей книге, что как будто слышала, что в России намерены строить индивидуальные жилища, рядом с каждым из которых, хоть и на государственной земле, будет сад.

Неоднократно называя Россию тоталитарным государством, Сигрид Унсет объясняет подобную ситуацию в стране стремлением этого государства, с его идеологией, уничтожить более слабых в

борьбе за выживание. «Скорее всего, спустя какое-то время тоталитарные государства дорого заплатят за отказ от принципов санитарии и гигиены, которые были выдвинуты наукой за последнее столетие» – такое будущее видит писательница для России [Унсет 2003, 86]. В своих рассуждениях писательница вместе с тем отмечает, что в этих *убийственных условиях* русские адаптировались и живут в более-менее работоспособном состоянии и вполне здоровы. Правда, лучше всего живут *военные*: у них есть сапоги, шапки и хлопковая форма, а также труднодоступные для других сигареты. Военная подготовленность России, по мнению Сигрид Унсет, ощутима повсюду: кругом было множество солдат, а также большое количество казарм, аэродромов, самолетов на земле и в воздухе. И так во всех маленьких и больших городах, мимо которых они проезжали. Большинство встречных поездов, по её наблюдению, везли солдат или военное имущество.

Сигрид Унсет не оставила без внимания и вопросы *скотоводства*. Ей кажется странным и удивительным, как мало заботы проявляют русские о скотине. Все лошади, увиденные писательницей в России, были одной и той же породы, правда, здоровых лошадей она видела только в Сибири. Пастух, восседающий верхом на лошади, представляется Сигрид Унсет великолепным и отрадным зрелищем в сравнении с картинами быта в Москве, где лошадей, как правило, использовали для перевозки грузов: «Это были ходячие скелеты, кожа да кости, с потертой спиной и изможденные до предела» [Унсет 2003, 80]. В принципе ведения животноводческого хозяйства в России Сигрид Унсет видит отражение идей устройства «тоталитарного государства», *коллективизации*: коровы почти всегда ходили или тесно стояли бок о бок, согнанные в одно место на небольшом клочке земли, окруженном колючей проволокой, хотя рядом были зеленые лужайки, кустарники и деревья. Автор сравнивает русских коров со «скандинавскими индивидуалистками», которые ходят, где им вздумается, сами выбирают себе лучшую траву, отдыхают в тени деревьев. Непродуманность и неорганизованность в ведении российского хозяйства проявляется, по мнению Унсет, и в отсутствии *лесного ведомства* в стране, где так много лесов. «Все здесь пребывает в *первозданном состоянии*» – к такому выводу приходит автор [Унсет 2003, 81]. В её представлении Россия могла бы стать *самой богатой страной* в мире, если бы только русские были хотя бы на од-

ну треть столь же трудолюбивыми крестьянами, как финны и все скандинавы.

Примечательно, что писательница, с целью «узнать» Москву, отказывается посещать музеи и смотреть достопримечательности: в условиях ограниченного времени она предпочитает «*вдохнуть*» город, ощутить его улицы, людей, магазины, заглянуть в окна домов, побывать в парках. Нищета ей чудилась повсюду: в магазинах виднелись запыленные витрины с вывешенными муляжами свиных окороков и тортов, которых нет в продаже; взгляд натыкался на большое количество нищих в грязных лохмотьях и с грязными лицами (в основном это были женщины и дети, просившие милостыню).

Жажда *увидеть отсталость* очевидна из оценок, которые Унсет дает характеру русского народа. Русские представляются писательнице *неорганизованными* и *неопрятными* людьми, от которых исходит опасность. Она делает акцент в своих воспоминаниях на том, что во время перелета в Москву русские пассажиры спокойно гуляли по салону самолета, бросая на пол окурки и спички, периодически открывая и закрывая двери (позже по полу разлилась какая-то жидкость, в которой Унсет подозревала горючее вещество). Пытаясь постичь менталитет русских, Сигрид Унсет отмечает их *медлительность* во всем. Процедуры в учреждениях занимают здесь в шесть-семь раз больше времени, чем в других странах: «Русские очень долго смотрят бумаги, перерывают целые груды своих циркуляров и папок, в который раз сверяются с расписанием поездов, как будто видят все это в первый раз в жизни, и так повторяется с каждым новым пассажиром» [Унсет 2003, 69]. В своих наблюдениях за лицами горожан Унсет отмечает неизменное выражение «*stolid*» (*апатичный*). В отличие от японцев и западных европейцев, по замечанию автора, русский народ поражает её единообразием. Причину этого отсутствия индивидуальности писательница находит в гипнотизирующей «*коллективистской жизни*», в которой человек теряет себя. Люди и в центре города, и на окраине были одинаково плохо одетыми, небритыми, одинаково непричесанными, неухоженными. Сигрид Унсет подробно характеризует русских мужчин, женщин и детей, обращая внимания на мельчайшие детали. Мужчины не носили бороды, при этом все они были небритые, а на лицах у многих были синяки или ссадины. В своем большинстве русские мужчины производили впечатление крепко сбитых, с широкой костью людей,

у них были низкие и широкие лбы, большие скулы и большие треугольные носы, далеко выдающиеся вперед.

Такие же «большие выдающиеся носы» автор видит и у здешних женщин, широких, скуластых, «одетых в тонкие хлопчатобумажные платья, сшитые из крайне мнущегося материала» [Унсет 2003, 70]. О детях автор пишет предельно коротко, почти избегая при этом негативных оценок: «Многие дети ходили босиком в застиранных рубашонках... Правда, в основном они выглядели здоровыми, загорелыми и не такими уж худыми» [Унсет 2003, 70].

Станным кажется автору путевых заметок стремление русских купаться повсюду, где только встретят воду. «Вероятно, делает вывод Унсет, – так проявлялась потребность в чистоте, ведь они живут в переполненных домах, в грязных городах, среди вонючих туалетов, когда не хватает мыла и других моющих средств» [Унсет 2003, 73].

Очевидно, что Сигрид Унсет принимает за отсталость то, что ей *не нравится и раздражает ее*, – бедность, бытовую неустроенность. В целом, ее позицию можно назвать классовой, расистской. В ее тексте очень заметно проявляется высокомерие. И памятники русской архитектуры совершенно не приводят Сигрид Унсет в восторг: кремлевские здания кажутся ей нелепыми и причудливыми, собор Василия Блаженного напоминает строение в восточном стиле, но лишенное восточной красоты и изысканности. Автор путевых заметок приходит к выводу, что московская архитектура скорее представляет конгломерат Востока и Запада. «Все русское не вызывает во мне симпатии, – признается Унсет, – и когда в юности многие восторгались или делали вид, что восторгаются великими русскими писателями, я тоже их читала, как и все... но только тот мир, который они описывали, не вызывал во мне живого отклика» [Унсет 2003, 66]. В своих рассуждениях о *художественном вкусе* в России Сигрид Унсет выражает надежду, что он не мог полностью исчезнуть из-за бездарной «наглядной агитации», неизменных и повсеместных плакатов и лозунгов, серости и однообразия, за которыми прячется бедность.

Особенно тяжелым испытанием для писательницы становится путешествие на поезде из Москвы во Владивосток, которое длилось девять дней. Подробно автор описывает вокзальный перрон. Уже за три часа до отправления поезда он кишел людьми. Среди них были и те, кого она хочет назвать «*отбросами общества*»: они выглядели еще более ужасно, чем те, которые встречались Унсет прежде. На

грудах багажа сидели целые семьи, утомленные длительным ожиданием. Удивляет писательницу тот факт, что молодые женщины выполняли на станции тяжелую работу носильщиков: «Неужели только так можно трактовать равенство между полами, когда самый тяжелый физический труд приходится на долю женщины? А может быть, на этом основаны все тоталитарные общественные системы?» [Унсет 2003, 76].

Поездка в первом классе транссибирского экспресса оказывается не просто некомфортной, а с трудом выносимой. Сигрид Унсет с лёгким сарказмом, который свойственен её писательскому стилю, называет этот долгий путь вовсе не утомительным: «Сидишь себе спокойно и едешь, и копишь на себе грязь, ведь помыться невозможно» [Унсет 2003, 77]. На каждые два купе была предусмотрена маленькая ванная комната, где за всё время путешествия ни разу не было воды. Норвежца и английских детей так искушали клопы, что у них поднялась температура; многие болели от жары или от того, что не переносили местной еды. Описанный Унсет гастрономический ряд вызывает негативную реакцию: мясо, которое с каждым днем пахло всё хуже, суп с жалкими лоскутками капусты, темно-серые кашеобразные макароны, сырное печенье, запах и вкус которого напоминали отрыжку. Всё же, по мнению, Унсет, в целом еда была не так плоха, потому что сам факт, что в России вообще есть еда, можно считать удивительным.

Под рядом утверждений Сигрид Унсет нет никакой фактической основы. Так, ветчина, кишая червями, заказанная в ресторане поезда – это, вероятно, аллюзия на сцену с тухлым мясом в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”». Утверждение об отсутствии лесного ведомства в СССР опровергается фактом наличия Народного комиссариата лесной промышленности, а также существовавшего с дореволюционных времен Ленинградского лесного института и разветвленной систем лесничеств. И таких примеров в книге множество.

Всё же следует отметить, что, несмотря на свое почти абсолютное неприятие России, русского мира, Сигрид Унсет находит и свой «островок душевного тепла» и отмечает то, что *сближает* её с русскими. «Единственно, что примиряет меня с русскими, так это их *любовь к цветам*» [Унсет 2003, 72]. Она с особым расположением описывает московские парки, цветы на подоконниках и городских балконах. По пути через Сибирь Сигрид Унсет наслаждается разно-

образом российской флоры: подмаренник, голубые колокольчики, медуница, ярко-синие незабудки, белые и желтые маргаритки, но прежде всего, конечно же, иван-чай. «Это *пурпурно-красное великколепие* сопровождало нас до самого Владивостока» [Унсет 2003, 81]. Автор передает свои необыкновенные ощущения: «Было так *приятно* выскакивать из поезда на рассвете, загорать или бежать на луг, чтобы принести в вагон целые охапки цветов» [Унсет 2003, 73]. Цветы для писательницы – это не только собственное пристрастие, это часть её любви к человеческой жизни, её неотъемлемый элемент, и в этом её точка соприкосновения с русскими. Она верит, что смогла бы найти с русскими общий язык, по крайней мере, в разговорах на эту тему. Постепенно Сигрид Унсет даже обретает определенный навык чтения по-русски, и, с трудом складывая слоги, она начала читать вывески и транспаранты.

Воплощением переклички культур становятся советские белые гипсовые статуэтки, железные кровати, многие другие элементы московского интерьера. Так, они напоминают писательнице о её детстве, словно Советская Россия заимствовала быт и вкусы, связанные для всех западных европейцев с воспоминаниями раннего детства о бытовых деталях мира своих бабушек и дедушек.

Христианство являлось главной духовной опорой в жизни Сигрид Унсет, поэтому самые отрадные впечатления из всего увиденного ею в России связаны с посещением церкви: «После всей этой серой, бессмысленной нищеты, царившей повсюду, было приятно видеть хоть и бедность, но такую, где есть место *душевной теплоте*, отмеченной многоцветием человеческого бытия» [Унсет 2003, 74].

Большое впечатление оказала на Сигрид Унсет встреча с некой девочкой Олёхой в зале ожидания во Владивостоке. В этом было для автора понимание того *общечеловеческого*, общего для всех, что существует в жизни независимо от национальности, культуры. Эта маленькая русская девочка удивительным образом напомнила Унсет её дочь, которая умерла в возрасте двадцати трех лет от тяжелой болезни. Трогательным, жалостливым представлен её портрет: «Из-под туго повязанного белого платка на меня смотрели широко раскрытые глаза. Личико было узким и бледным как воск, на нем было чуждое ребенку терпеливое выражение, какое бывает у детей, привыкших к страданию» [Унсет 2003, 92]. Ручка Олёхи была такая холодная и бесплотная, что она невольно напоминала лапку мертвого

цыпленка Чувства писательницы, боль воспоминания были настолько сильными, что она подошла к родителям ребенка, заговорила с ними и дала им денег. Девочка была больна чахоткой и ехала в Крым в народный санаторий. Сигрид Унсет переполняли страшные мысли о том, что ждет этого несчастного ребенка в дороге.

Ярким контрастом ко всему «советскому раю», оставшемуся для Сигрид Унсет позади, становится «прекрасное, сверкающее» японское судно «Харбин Мару»: японские моряки в великолепной морской форме, а также бои были одеты в белоснежные куртки; в камбузе можно было увидеть ряд сверкающих чистотой чайничков для заварки, свисающих на многочисленных крючках с потолка. Автор с восхищением пишет: «Какое это было счастье войти на борт «Харбин Мару»! Перед нами предстали чистые каюты с чистыми постелями, ванной комнатой, выложенной кафельной плиткой. В кранах было полно горячей воды, в залах ресторанов столы были накрыты сверкающими скатертями и салфетками, на столах красовались фрукты» [Унсет 2003, 96]. «Харбин Мару» призван был мчать своих пассажиров на пути «возвращения в будущее» – светлое будущее – к США. Сигрид Унсет видела в Америке символ мощи и демократии, с ней она связывала победу над нацизмом и над тоталитаризмом в целом. Хотя писательница и делает оговорки, что не хочет идеализировать Америку, она уверена, что именно США и ряд других демократических стран смогут отразить нападение немцев и разгромить «удушающий народы режим», спасти всю западную цивилизацию и все человечество [Унсет 2003, 90].

Отношение к Японии, куда Сигрид Унсет вместе с сыном приплыли на судне «Харбин Мару» из Владивостока, в тексте почти *восторженное*. Она, по собственному признанию, воспринимала эту страну сквозь призму романтических очерков английского писателя Лафкадио Херна, в которых Япония предстает насыщенной красотой и гармонией [Панкратова 2003, 16].

Конечно, Сигрид Унсет – художественная натура, и многие ее умозаключения стоит воспринимать как «художественные истины», а не научные, объективные. В то же время как непрозорлива оказалась норвежская писательница, не сумевшая увидеть за чистотой японского корабля, «мчащего» пассажиров в райский мир США, подлинной сути тогдашнего японского государства, которое 7 декабря 1941 года устроит Перл-Харбор, призванный «отменить» если не существование, то господство США.

Источники

Унсет 2003 – Унсет Сигрид. *Возвращение в будущее*. М., 2003.

Цветаева 1995 – Цветаева М. *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6*. М., 1995.

Литература

Гедройц 2004 – Гедройц С. *Сергей Лукьяненко. Василий Аксенов. Генрих Сапгир. Михаил Метс. Сингрид Унсет* // Звезда. 2004. № 11. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=209> (дата обращения: 13.08.2023).

Каратеев, Гримберг 2004 – Каратеев А., Гримберг Ф. *Перекресток культур*. – М.: ОГИ // Знамя. 2004, № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2253> (дата обращения: 13.08.2023).

Красавченко 2022 – Красавченко Т.Н. "*Люди одной породы*": что значила Сигрид Унсет для Марины Цветаевой // Литературоведческий журнал. 2022. № 3(57). С. 28–47.

Панкратова 2003 – Панкратова Э.Л. *Предисловие* // Унсет Сигрид. *Возвращение в будущее*. М., 2003. С. 2–23.

Слапгард 2009 – Слапгард С. *Сигрид Унсет. Королева слова*. М., 2009.

SOVIET RUSSIA IN THE PERCEPTION BY SIGRID UNSET (BASED ON THE MATERIAL OF TRAVEL NOTES "RETURN TO THE FUTURE")

© **Mitina Evgeniya Aleksandrovna** (2023), SPIN-код: 4681-0600, ORCID: 0009-0005-4175-4145, Candidate of Philology, Research Laboratory Assistant, Linguistics University of Nizhny Novgorod (31A Minina (Minina Avenue) Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation), Lecturer of the Chair of World Literature, Moscow Pedagogical State University (1/1 Malaya Pirogovskaya (Malaya Pirogovskaya Avenue) Moscow, 119991, Russian Federation), 27jenni270@mail.ru

The article is devoted to the study of the Soviet Russia image in the book "Return to the Future" ("Tilbake til fremtiden") by Sigrid Unset (1882–1949), Norwegian writer, Nobel Prize winner. This book reflects the journey which she made from Norway, occupied in 1940, to the United States through Sweden, Russia and Japan. It is noted that the author, describing the impressions (personal and other Norwegians) about Soviet Russia, uses as the main technique the comparison of pictures of reality with her speculative stereotypical ideas. The image of Russia in the text by Unset is mainly negative, the author's arrogant attitude is obvious. Despite her sincere curiosity, Sigrid Unset is ready and even eager to see in Russia only backwardness. It can be argued that the Russian theme in the book of Unset develops in line with civilizational discourse. Sigrid Unset is confident in the totalitarianism in the USSR and notes the backwardness of Soviet Russia,

manifested in the low standard of living of ordinary citizens (poverty, domestic disorder, etc.). In general, her position can be called class and even racist. In the book Sigrid Unset describes various spheres of life in Russia and her diagnosis is disappointing: Russia is characterized as a backward country in every sense, located at the lowest level of civilization. This backwardness is allegedly due to the very nature of Russian people. There is no factual basis for a number of statements by Sigrid Unset. It is difficult to call the book of Unset strictly documentary prose. This text tends to the genre of memoirs, it is a commentary on the biography of the writer, her personality and at the same time a sketch of the era and a commentary on the attitudes of that time.

Keywords: Sigrid Unset, "Return to the Future", the image of Soviet Russia, stereotypical ideas, totalitarianism.

References

(Articles from Scientific Journals)

Гедройц 2004 – Gedrojc S. *Sergej Luk'yanenko. Vasilij Aksenov. Genrih Sapgir. Mihail Mets. Singrid Unset* [Sergej Luk'yanenko. Vasilij Aksenov. Genrih Sapgir. Mihail Mets. Singrid Unset]. *Zvezda*, 2004, no. 11. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=209> (accessed 13.08.2023). (In Russian).

Каратеев, Гримберг 2004 – Karateev A., Grimberg F. *Perekrestok kul'tur – M.: OGI* [Crossroad of Cultures. – M.: OGI]. *Znanya*, 2004, no. 1. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2253> (accessed 13.08.2023). (In Russian).

Красавченко 2022 – Krasavchenko T.N. «*Lyudi odnoj porody*»: *что значила Sigrid Unset dlya Mariny Cvetaevoj* ["People of the same kind": What Sigrid Unset meant for Marina Tsvetaeva]. *Literaturovedcheskij zhurnal*, 2022, no. 3(57), pp. 28–47. (In Russian).

(Monographs)

Панкратова 2003 – Pankratova E.L. *Predislovie* [Preface]. Unset Sigrid. *Vozvrashchenie v budushchee*. Moscow, 2003, pp. 2–23. (In Russian).

Слапгард 2009 – Slapgard S. *Sigrid Unset. Koroleva slova* [Sigrid Unset. Queen of Words]. Moscow, 2009. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.10.2023